

ЧЕТЫРЕ ГОДА МИНУЛО С ТЕХ ПОР, КАК СВЕРДЛОВЧА-НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ С КОЛЛЕКТИВНОМ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. ГОРЬКОГО И С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ АКТЕРОМ ЭТОГО ТЕАТРА — СЕРГЕЕМ ЮРСКИМ. И ВОТ СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ СНОВА НЕДАВНО ПОБЫВАЛ У НАС С КОНЦЕРТАМИ. ПОКАЗАНЫ ЧЕТЫРЕ РАЗНЫЕ ПРОГРАММЫ. МНОГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРОЗВУЧАЛИ В НАШЕМ ГОРОДЕ ВПЕРВЫЕ, И СРЕДИ НИХ РАССКАЗЫ В. ШУКШИНА — «ОБИДА», «САПОЖКИ» И «ДЕБИЛ».

Однако именно в ту встречу — ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД — И, ДУМАЕТСЯ, НЕ СЛУЧАЙНО, — СВЕРДЛОВСКИЕ ДРУЗЬЯ ПОДАРИЛИ ЕМУ ТОЛЬКО ЧТО ПОЯВИВШУЮСЯ КНИГУ РАССКАЗОВ В. ШУКШИНА «ХАРАКТЕРЫ». И ВОТ УЖЕ ОСЕНЬЮ СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА С. ЮРСКИЙ ПРИЕХАЛ С ПРОГРАММОЙ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ШУКШИНА В МОСКВУ. ЗАТЕМ НЕОДНОКРАТНО ВЫСТУПАЛ С НЕЙ ПО РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЮ. А СОВСЕМ НЕДАВНО ЗАПИСАЛ ЭТУ ПРОГРАММУ НА ГРАМ-ПЛАСТИНКУ.

ЧИТАЕТ ЮРСКИЙ

КАК только принимаюсь работать — писать рассказ, снимать фильм, — размышлял В. Шукшин, — тотчас предо мной являются две трудности: жизнь человека (потаенная душа, его боль, его надежда); то и другое вполне конкретно, реально, но трудно все собрать вместе, трудно здесь обнаружить логику да еще и «прийти к выводу»... Меня больше интересует «история души», и ради ее выявления сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует.

В. Шукшин предстает перед нами мастером глубокого внутреннего, психологического плана, которому свойственна такая особая форма самовыражения, требующая предельной правдивости и искренности, — как исповедь. Именно через нее В. Шукшин видит единственную возмож-

ность осознать себя, вернуться к истокам, осмыслить свое время, пропустить его через себя, и донести людям что-то вдруг очень существенное и важное.

Глубоко близко это исповедническое начало Сергею Юрскому. Вот почему обращение его к творчеству Шукшина далеко не случайно и символично, и именно потому таким откровением явился в исполнении Юрского Шукшин. Сыграв до этого множество ролей в театре и кино, прочитав Пушкина, Гоголя, Мопассана, Чехова с эстрады, Сергей Юрский, как по настоящему большой художник, понял, чем могут стать для нас всех и для него «крученые, ломаные» шукшинские характеры, которых автор наделил «именно своей, а не нашей логикой, своими, а не нашими понятиями». Его всегда интересовала, главным образом, — человеческая суть, «история души».

Сергей Юрский, прежде всего, актер, хотя и всегда чрезвычайно бережно и чутко относящийся к первоисточнику — к живому слову. Обращение С. Юрского к В. Шукшину лишний раз подтверждает, что именно благодаря «театральности» (хотя иные ревностные хранители «чистоты жанра» художественного чтения усматривают в этом чуть ли не крамолу) шукшинское слово приобрело в устах С. Юрского свой изначальный, первородный смысл.

Данный от природы, доведенный до совершенства в театре дар перевоплощения позволяет Сергею Юрскому с первого появления на сцене убедить зрителей в правдоподобности всех ситуаций и характеров, которые подметил и донес до нас Шукшин. И потому мы вместе с ними совершенно искренне страдаем, радуемся, тоскуем, шутим, негодуем... Стараемся проникнуть вместе с

Шукшиным-Юрским в суть того или иного жизненного случая, сцены, ситуации, характера и непременно докопаться до того корня, когда все это вдруг обернется общечеловечески важным выводом.

Вспомните, какое сильное впечатление производит на нас шукшинская «Обида» в исполнении Юрского.

НА сцену вышел щуплый, добродушный человек с наивными и виноватыми глазами. И этак простецки сообщил, что некий Саша Ермолаев пошел со своей дочкой Машей в магазин, чтобы сдать пустые бутылки из-под молока, купить масла и этой дорожкой, но такой полезной детям рыбы — нототении. И вдруг его ошибочно признали за какого-то пьянчужку и, конечно, оскорбили.

Сергей Юрский со свойственной ему скрупулезностью комически «обыгрывает»

характер Саши и его дочку Машу, хмурую тетю — продавщицу из рыбного отдела, придумавшую для покупателя такое в общем-то совсем и безобидное (бывало и похуже!), но редкое ругательство — «исусик», заведомо, пожилого покупателя в плаще... Но тут, пожалуй, следует остановиться.

Зал все еще смеется. Но Юрским уже пущены в наши сердца неведомые ранящие стрелы:

— Сашку затрясло...
— Только последнее время наладилась жить хорошо...
— Черт возьми совсем, где-то ты, Александр Иванович, уважаемый человек, мастер...

— Обида толкнулась в грудь, как кулаком дали...
— Его опять затрясло...

И вдруг задумчивый голос Саши — Шукшина-Юрского:

— Что за странное желание угодить (это о человеке в плаще) — продавцу, чиновнику, хамоватому бюрокра-

ту... Сами расплодили хамов, сами...

Но Саша, добрый по натуре, еще ни о чем серьезно не помышляет, а хочет просто выяснить у человека в плаще, зачем он вступился за эту продавщицу Розу.

И тут, как яростный порыв ветра перед бурей, злобный голос человека в плаще:

— Он будет еще останавливать... Я те поговорю!

Вот он и — Шукшин. Вот этот краткий, самый краткий случай, ситуация, когда, оказавшись на трудном перепутье, человеческий характер вдруг может надломиться, а сам человек — вступить на гибельный для себя путь. Именно в этой ситуации герою непременно нужно выяснить: что есть что, ради чего, собственно, стоит жить. До сих пор добрый малый, хороший семьянин, любящий детей, жену, — Саша Ермолаев, Александр Иванович, теперь, оказывается, может взяться за любое подвернувшееся под руку оружие (в «прихожке» у него лежал хороший молоток) и разбить за правду чей-то ненавистный череп...

Но Шукшин-Юрский делает новый неожиданный поворот. И опять новая ситуация.

На улице к нему (к Саше) летела «простоволосая, на смерть чем-то перепуганная» его жена Вера — та самая извечная любовь, которая только и может остановить ненависть — кровопролитие и смерть.

Почти весь диалог Саши и Веры С. Юрский ведет сплывной к залу, усиливая тем самым все возникающие у Саши в душе чувства. Зачем кому-то видеть его искаженное ненавистью и отчаянием лицо, его — так неожиданно намернувшиеся на глаза — слезы?

Вдруг Саша — Юрский резко повернулся к залу, постоял, рассек ладонью воздух и... как-то сразу сдался. И — пошел восвояси... Побежденный...

ТАКОЕ же сильное чувство вызывает другой рассказ — «Сапожки». Опять все тот же магазин, хамство продавщицы, но вместо масла, молока и нототении — мягкие, пушистые сапожки, которые шофер Сергей Духанин вдруг почему-то приглядел жене. И баба-то она совсем простая — деревенская, и грязнотины у них в деревне по колено, и прожигали-то они уже вместе столько много. А ведь на тебе: укусила какая-то муха! Так и тянет — вынь 65 рублей и положи: почти половина мотороллера.

Скажем прямо — ситуация опять самая наикомическая. Но только смех в зале со всем другой — нервный, тревожный.

Наверное, потому, что С. Юрский с самого начала очень верно расставил все свои и шукшинские акценты. И вышло, как у Гоголя с Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной: без

конца поругивались, чаше гоняли, пирожки ели, а потом оказалось — к чему без всего этого и жизнь? Вот отчего — ни Духанин, ни Шукшин, ни Юрский никак не могут докурить одну и ту же папиросу (сгорит — и все!), а если это — светлячок души?..)

Рассказ «Дебил» получился у С. Юрского слабее первых двух. Нам кажется, еще и потому, что сама эта ситуация у Шукшина слишком уж миролюбивая и до конца не-

С. ЮРСКИЙ только «прикоснулся» к Шукшину, но уже теперь можно смело говорить о том, что это не только новый вклад в освоение творчества Шукшина, но и новая волнующая страница в творчестве самого Сергея Юрского. Подобно Шукшину, Юрский сумел «столкнуть» изначальный смысл слов, понятий, человеческих отношений с внешними, поверхностными, то крикливыми, то скрытыми за иной оболочкой, формами этих отношений, этих понятий, этих слов.

Контрастная и сочная палитра — слово, жест, метафора, неожиданное и простое решение — мизансцен, пластический образ, отказ от привычных сюжетно-смысловых связей — все это и есть глубокое, и верное. И в то же время новое прочтение В. Шукшина. И в этом, на наш взгляд, Сергей Юрский пока не имеет себе равных. В. ДОЛГАНОВ.